

НЕЙТРАЛИТЕТ ИЛИ СОЮЗ: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ШВЕЦИИ ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

**НОВИКОВА И.Н.,
доктор исторических
наук, профессор,
декан факультета
международных
отношений
Санкт-Петербургского
государственного
университета**

Статья посвящена рассмотрению основных течений в шведском обществе по вопросам внешней политики страны, и выявлению внутривнутриполитических причин, позволивших Швеции сохранить нейтралитет в годы Первой мировой войны. Особое внимание автора обращено на зарождение в то время концепция шведской безопасности, которая предусматривала, наряду с неучастием в военно-политических блоках, разрешение международных конфликтов путем расширения действия системы международного права.

Ключевые слова: нейтральный статус, международное право, Первая мировая война, Швеция.

Политика нейтралитета в условиях войны является результатом деятельности, по крайней мере, двух сторон: страны, которая желает остаться вне вооруженного конфликта, и воюющих держав, заинтересованных в нейтральном статусе данного государства. Права и обязанности нейтральных стран во время войны, воюющих сторон в отношении нейтральных государств регламентировались Гаагскими конвенциями 1907 г.¹. Однако само понятие «нейтралитет» не было детально проработано в то время в международном праве. Нейтралитет характеризовался как статус третьих государств, которые в случае войны выбирают позицию неучастия в военных действиях и враждующих коалициях. Это означало, что нейтралитет на практике был связан с войной, и его провозглашение являлось добровольным политическим актом правящей элиты (occasional neutrality)² за исключением тех случаев, когда он был закреплен соответствующими между-

народными договорами (permanent conventional neutrality)³.

Первая мировая война, в сущности, являлась первой глобальной войной. В военные действия было вовлечено 38 из 60 существовавших на тот момент независимых государств. Лишь шести европейским странам (Скандинавские страны, Испания, Нидерланды, Швейцария) удалось остаться вне глобального конфликта. Опыт данных государств представляет собой любопытный пример для изучения. Проведение политики нейтралитета в военное время достигается обычно за счет переговоров, сделок и компромиссов как на международной арене, так достижения консенсуса внутри нейтральной страны. В данной связи, изучение нейтралитета как ключевого принципа внешней политики и политики безопасности Швеции в годы Первой мировой войны вызывает особый интерес, поскольку внутривнутриполитическое противостояние между сторонниками и противниками политики нейтралитета приобрело в Швеции, по сравнению с другими нейтральными странами, наиболее острый характер. Решение о сохранении нейтралитета или вступлении в войну находилось в серьезной зависимости от исхода внутривнутриполитической борьбы в шведском обществе, оказавшемся расколотым на «активистов» – сторонников вступления в войну на стороне Германии, и пацифистов – противников войны и приверженцев сохранения нейтралитета. Цель данной статьи заключается в том, чтобы, во-первых, рассмотреть основные течения в шведском обществе по вопросам внешней политики страны, во-вторых, выявить внутривнутриполитические причины, позволившие Швеции сохранить нейтралитет в годы войны.

Накануне Первой мировой войны Швеция являлась сильнейшим государством Скандинавского полуострова. Несмотря на ограниченность людских ресурсов (в 1914 г. – население Швеции составляло 5,5 млн. человек⁴), как поставщик железной руды и производитель превосходной по качеству стали Швеция являлась важной для развития европейской экономики страной. Небольшая северная страна достигла также впечатляющих успехов в культурной и научной сфере. Однако ее влияние на европейскую политику было незначительным. После распада шведско-норвежской унии и потери Норвегии в 1905 г. интерес шведов к международным делам был весьма ограниченным, а развитие отношений с иностранными государствами являлось прерогативой узкого круга

элиты. В парламенте доминировали зажиточные фермеры, равнодушные к международным делам и бережливые по отношению к расходам государственной казны.

Во внешней политике Швеция предпочитала руководствоваться принципом нейтралитета. Однако шведский нейтралитет, в отличие от нейтралитета Швейцарии, еще не стал устойчивой политической традицией. Хотя с 1814 г. Швеция не участвовала в войнах, она не раз меняла свою внешнеполитическую ориентацию. Фактически о зачатках политики нейтралитета в современном понимании этого слова можно говорить лишь с начала XX века, когда Скандинавские страны заключили в 1912 г. Декларацию относительно прав и обязанностей нейтральных стран во время морской войны. Кроме того, следует иметь в виду, что шведский нейтралитет имел ряд особенностей. Принцип нейтралитета не был зафиксирован ни в одном государственном законе и не имел международно-правовых гарантий. Нейтралитет не рассматривался как самоцель или ценность шведской политической традиции. Скорее, политика нейтралитета считалась «вынужденным явлением»⁵, результатом потери великодержавного статуса. Провозглашение нейтралитета являлось добровольным политическим действием правящей элиты, если последняя была уверена с том, что подобная политика способна обеспечить национальную безопасность. Отсутствие сковывавших международных обязательств гарантировало шведам свободу внешнеполитических решений. Однако, провозглашение нейтралитета от случая к случаю или так называемый «случайный» характер шведского нейтралитета, с одной стороны, порождал надежды германского руководства на возможность втянуть Швецию в Тройственный союз, с другой – вызывал серьезное беспокойство в Петрограде относительно намерений Швеции в случае германо-русского конфликта.

Война подкралась незаметно. Для жителей Скандинавии она стала еще большим сюрпризом, чем для населения противоборствующих военно-политических блоков. С началом Первой мировой войны Швеция была охвачена паникой: закупалось в больших количествах продовольствие, замерла жизнь в портовых городах⁶. Правительство опасалось, с одной стороны, германского ультиматума и принуждения к вступлению в войну, с другой – превентивных военных мер России против Швеции.

3 августа шведское правительство приняло решение о провозглашении нейтралитета⁷. Политика нейтралитета предусматривала неучастие в военных операциях, недопущение на свою территорию иностранных войск, сохранение дипломатических и торговых отношений с обеими коалициями. Международно-правовая практика не допускала какого-либо промежуточного состояния между положением воюющей страны и нейтральным статусом⁸. Однако нейтралитет легко провозгласить, гораздо сложнее сохранить его в условиях тотального военно-политического противостояния Антанты и Тройственного союза. С первых дней войны проблема внешнеполитического курса Швеции стала главным вопросом разногласий в шведском обществе. Как правило, либералы и социал-демократы симпатизировали Антанте и выступали за политику нейтралитета. С другой стороны, правые и консерваторы высказывали явные симпатии Тройственному союзу. В сентябре 1914 г. в Швеции состоялись парламентские выборы. Предвыборная кампания проходила в тени войны. Консерваторы распространяли слухи о том, что их оппоненты – либералы стоят на службе у российского правительства. Лидера либералов К. Стаафа называли «изменником родины, построившим свой дом на русские рубли»⁹. Выборы обернулись тяжелым поражением для шведских либералов (они потеряли 43 мандата) и принесли успех консерваторам и социал-демократам. Консерваторы увеличили свои мандаты с 64 до 86, социал-демократы – с 64 до 74. Оба лидера оппозиции – Карл Стааф и Яльмар Брантинг – поддержали правительство Я. Хаммаршёльда в его усилиях сохранить Швецию вне войны¹⁰. Большинство шведов выражало свою солидарность с политикой правительства. Очевидцы отмечали, какое крайне неблагоприятное впечатление на жителей нейтрального государства оказало германское вторжение в Бельгию, вероломно нарушившее ее нейтралитет. Общественные деятели, настроенные в пользу Германии, тем не менее, осознавали опасность, грозящую со стороны Берлина. Как писал один шведский журналист, «передовые борцы за союз (альянс с Германией – *И.Н.*) поспешили уверить правительство в своей лояльной поддержке»¹¹. Даже такой известный германofil, пугавший накануне войны своих сограждан ужасами русской оккупации, шведский путешественник Свен Хедин неожиданно для всех объявил о том, что является сторонником шведского нейтралитета¹². Совершавшие в этот период

поездки по Швеции представители российской политической элиты с удовлетворением отмечали: «Швеция... успокоилась. Жизнь взяла верх над политиканством и все заняты набиванием своих кошельков, которые у добрых шведов... сильно пухнут»¹³.

Однако Швеция, в отличие от других нейтральных стран, не собиралась пассивно отсиживаться за декларативным прикрытием своего нейтралитета нормами международного права. Она стремилась стать признанным региональным лидером среди нейтральных государств. Шведские либералы, например, были убеждены, что только нейтральные страны в годы войны являются подлинными защитниками международного права. Нейтралы должны не просто говорить о соответствии тех или иных акций великих и малых держав международному праву, но и развивать его. Международное право весьма старательно и заботливо определило права нейтральных государств в войне, но слабым местом, по мнению шведских специалистов, оставалась разработка средств защиты основных положений международного права и санкций в случае их нарушения. Шведские правоведы предлагали создать «Союз общей защиты прав нейтралов», чтобы во время войны «поддерживать в силе международное право в области торговли и судоходства и предупреждать нарушения нейтралитета»¹⁴.

В начале войны достаточно популярным среди шведской элиты было также желание вдохнуть новую жизнь в старую идею скандинавизма¹⁵. Скандинавская солидарность проявила себя в том, что 8 августа Швеция и Норвегия приняли Декларацию о взаимном нейтралитете, в которой обе страны обязались консультироваться между собой и ни при каких условиях, даже если бы одна из стран оказалась втянутой в войну, не поднимать оружия друг против друга¹⁶. В ноябре 1914 г. Швеция, Дания и Норвегия подготовили совместную ноту протеста воюющим странам, нарушавшим скандинавский нейтралитет. В этой ноте они протестовали против таких мер, как «погружение мин, принуждение нейтральных судов следовать лишь известными путями, чрезмерное расширение понятия “контрабанда”, отступление от признанных правил досмотра и конфискации судов»¹⁷.

18–19 декабря 1914 г. в шведском городе Мальмё состоялась встреча трех скандинавских монархов. Инициатором этой акции был министр иностранных дел Кнут Валленберг, самый, пожалуй, последовательный сторонник нейтралитета в

шведском правительстве. Ему удалось убедить короля Густава V в необходимости подобной встречи – что особенно важно – первой после разрыва шведско-норвежской унии. На встрече в Мальмё три скандинавских монарха продемонстрировали солидарность в своем желании сохранить нейтралитет и высказались за развитие тесных связей между народами¹⁸. И хотя свидание трех королей в Мальмё больше создавало иллюзию скандинавского сближения (Дания и особенно Норвегия не хотели становиться младшими партнерами Стокгольма)¹⁹, тем не менее шведские противники вступления в войну получили твердую опору для дальнейшего проведения политики нейтралитета в своей стране. Теперь, в случае массивного давления Германии и прогерманских кругов внутри Швеции на нейтралитет, они могли весьма успешно ссылаться на решения в Мальмё.

Однако первоначальные прогнозы экспертов о кратковременности войны не подтвердились. В 1915 г. Германия усилила свой натиск на нейтралов, особенно на Швецию, с целью вынудить их присоединиться к Центральным державам. Тяжелые военные поражения России осенью 1914 г. – летом 1915 гг. на Восточном фронте создавали иллюзию того, что царское правительство вот-вот пойдет на подписание сепаратного мира с Германией. Шведские «активисты» в этих условиях хотели не опоздать к дележу победного пирога, усилив свою агитацию в обществе с целью присоединения к Центральным державам.

Под шведским «активизмом» мы понимаем идейно-политическое течение, выступавшее за активную внешнюю политику, подразумевавшую участие в войне на стороне Германского блока. Социальной базой этого движения являлись консервативное дворянство, офицерский корпус, лютеранское духовенство и высшая школа. «Активисты» считали Россию главной угрозой национальной безопасности Швеции, гарантировать которую, по их мнению, могла только Германия. Наибольшим организаторским талантом среди «активистов» обладал издатель журнала «Det Nya Sverige» («Новая Швеция») ультраконсерватор Адриан Молин. На службу «активизму» поставил свой писательский талант и известный шведский путешественник Свен Хедин. «Активистами» по убеждениям являлись крупные шведские ученые: историк права и политический деятель профессор Понтус Фальбек, математик профессор Гёста Миттаг-Леффлер, специалист в области нацио-

нальной экономики профессор Густав Стеффен, доктор Ингве Ларссон. Идейными вдохновителями движения были выдающиеся шведские ученые, государствовед и геополитик Рудольф Челлен и историк Харальд Хьярне. Последний, например, в своих работах видел особую миссию Швеции в качестве «форпоста западной культуры против варварского Востока». «Активистами» оказались и некоторые профессиональные шведские дипломаты, политики и военные – это дипломатический посланник в Берлине граф Арвид Таубе, камергер королевы Виктории маршал Людвиг Дуглас и его сын Роберт, обладавшие большим влиянием на королевскую семью. «Активистам» симпатизировали король Густав V и особенно его супруга, бывшая германская принцесса, королева Виктория. Как отмечал в одном из своих донесений германский военный атташе в Скандинавии, майор К. Авейден: «Королева с твердой волей и значительной энергией непоколебимо – через все трудности и сопротивление – преследует цель ожидаемого объединения шведского оружия с немецким»²⁰. Королева Виктория состояла в переписке со своим двоюродным братом, германским императором Вильгельмом II, практически каждый год бывала в Германии, гостила в Карлсруэ у своей матери Великой Герцогини Баденской. Ее торжественно встречали в Берлине, а она позволяла себе, несмотря на нейтральный статус страны, которую представляла, открыто говорить о том, что все ее симпатии принадлежат Германии.

С точки зрения партийных предпочтений, «активистов» поддерживали преимущественно правые, консерваторы, но были среди участников движения и социал-демократы, например, Г. Стеффен и И. Ларссон, которых впоследствии за свои «активистские» взгляды исключили из партии. «Активистам» не удалось образовать собственной партии. «Большинство, – как указывает шведская исследовательница «активизма» Ингер Шуберт, – довольствовалось национально-романтическими мечтами, хранившимися в письменном столе»²¹.

«Активисты» находились в плену великодержавных мечтаний, верили в победу Германии и боялись опоздать к дележу «победного пирога». Они никогда не были едины в своих внешнеполитических взглядах и предпочтениях, и картины шведского будущего в их сознании были различными. Например, маршал Л. Дуглас говорил о приобретении новых территорий за счет Финляндии как о важной предпосылке для становления Швеции в

качестве ведущей региональной державы на Севере Европы²². Эрнст Лильедалль, напротив, считал присоединение населенной «иноплеменным элементом» Финляндии невыгодным для Швеции. После отторжения от России, Финляндия, по его мнению, должна была получить полную внутреннюю самостоятельность, при этом ее внешняя политика должна была находиться под европейским контролем²³, т.е. речь шла о создании протектората. Профессор Миттаг-Леффлер видел опору активной внешней политики в шведском крестьянстве и надеялся, что после освобождения Финляндии и образования самостоятельного государства бывшая шведская провинция образует союз с бывшей метрополией. Примеру Финляндии последуют Дания и Норвегия, что вызовет кардинальное изменение геополитической ситуации на Севере Европы. Здесь будет образован по немецкому образцу Северный Союз государств, в котором Швеция станет лидером²⁴. Еще дальше шел Бенгт Лидфорс, проповедовавший мысль о включении Швеции в состав Германской империи приблизительно на тех же условиях, на которых вошли Бавария, Саксония и Вюртемберг²⁵. Были среди «активистов» и такие, кто скорбел не только по потерянной Финляндии и Аландским островам, но и по норвежскому Нарвику. Транзит грузов через Нарвик ежегодно обходился шведской казне в 45 млн. крон. Поскольку Норвегия находилась под влиянием Антанты, вступление Швеции в войну на немецкой стороне позволило бы, по мнению некоторых «активистов», в случае победы германского блока предъявить свои территориальные претензии и Норвегии²⁶.

Как уже упоминалось, шведским сторонникам союза с Германией не удалось создать собственной партии. Они слабо координировали свои действия друг с другом, и будучи яркими политиками и общественными деятелями, обычно выступали каждый сам по себе. Однако всех «активистов» объединяли вера в победу Германии и убеждение в необходимости пересмотра «политики 1812 года», базового внешнеполитического курса королевской династии Бернадотов. «Активисты» также полагали, что Россия представляет главную угрозу для национальной безопасности Швеции, гарантом которой могла быть только Германская империя.

В числе ближайших задач вступления Швеции в войну многие «активисты» выдвигали отделение Финляндии от России, образование буферного Финляндского государства и возвращение насе-

ленных в основном этническими шведами Аландских островов.

Деятельность шведских сторонников союза с Германией включала в себя три основных направления: воздействие на общественное мнение с целью отказа от политики нейтралитета, борьба против пацифистов внутри страны и агитация в Берлине в пользу германо-шведского альянса.

Для давления на общественное мнение «активистская» пропаганда использовала старый тезис о «русской угрозе» Скандинавии. Как заметил по этому поводу сотрудник канцелярии министра иностранных дел князь Н.С. Васильчиков, «стремление России к открытому морю, осуществленное при Петре, являлось вечным пугалом для шведских патриотов и выставлялось всегда как пример русских завоевательных стремлений против Швеции. За все время войны почти не проходило дня, чтобы какая-нибудь из шведских газет не помещала бы статьи о русской угрозе»²⁷.

Например, в одном из интервью профессор Р. Челлен заметил, что «шведы могут быть вполне спокойны только тогда, когда германский флот войдет в Финский залив, а столицей России сделается Москва». Он был убежден в том, что «война Германии есть одновременно и война за Швецию»²⁸. Признанный специалист в области геополитики полагал, что Швеции в любом случае не избежать известной зависимости от Германии, но это все же меньшее зло, чем зависимость от России. В августе 1915 г. Челлен призвал шведов вступить в войну против России, аргументируя свою позицию тем, что распад Российской империи уже происходил благодаря победам немецкого оружия, в перспективе также ожидалось восстание в Финляндии²⁹.

Любая деятельность России на европейском Северо-западе и в Финляндии, будь то строительство железных дорог или сооружение оборонительных укреплений на Аландских островах рассматривались «активистами» исключительно как иллюстрация захватнических намерений царизма. Так, предпринятое Россией строительство Мурманской железной дороги для соединения центра страны с незамерзающими гаванями Кольского полуострова, оказывается, по мнению шведских газет, являлось лишь «снотворным средством для Швеции». Как утверждала газета «Афтонбладет», эта дорога строилась только для того, чтобы «усыпить бдительность шведов». Шведские газеты запугивали граждан тем, что якобы существовал

общий англо-российский военный план, согласно которому английские войска должны были действовать в Норвегии от Нарвика до Тронхейма, а русские – перейти границу со Швецией в районе Торнео, через Ботнический залив или продвигаться с Аландских островов³⁰.

На страницах шведской периодической печати «активисты» создавали, с одной стороны, уродливый образ варварской России, с другой – комплиментарный образ цивилизованной Германии. Противопоставление «великой нации Гете и Лютера» «сибирскому мраку» России было излюбленной темой Эрнста Лильедаля. В статье под названием «Ночь на востоке» он представил противостояние Германии и России в манихейских категориях, как вечную борьбу света и тьмы. На основе германской статистики автор проанализировал состояние народного просвещения в России и заявил, что «великое русское царство в случае победы не сможет дать центрально-европейским державам никакого света. Оно может лишь прийти с тяжелой глубокой ночью, которая, по-видимому, столь же бесконечна, как сибирская тундра». Автор справедливо указывал на недостаточность финансирования в России народного образования. Министерство народного просвещения Лильедаля назвал «министерством народного помрачения» или просто «мрака», поскольку огромная Россия расходовала ничтожно малые средства на просвещение народа. Ссылаясь на германские источники, автор говорил о большом количестве неграмотных в России, приводя тот факт, что среди попавших в германский плен русских солдат некоторые не умели ни читать, ни писать. Выводы Лильедаля были вполне предсказуемыми: «борьба германцев есть борьба против низшей расы, против несчастных детей мрака и против государственной системы, которая коренится в отсутствии культуры». Вместо того, чтобы, по мнению Лильедаля, заботиться о просвещении собственного народа, Россия думает об «освобождении других народов» (имелись в виду славянские народы Австро-Венгерской и Османской империй)³¹.

Постепенно в «правой» шведской печати выработался особый пророческий стиль материалов о «русской угрозе»: статьи выходили под завораживающими читателей страшными заголовками: «час приближается», «рука России занесена над Скандинавией», «великое переселение народов на восток». Одна шведская газета даже остроумно заметила, что, вероятно, многие сожалели бы о том,

если бы вдруг исчезла такая благодатная для журналистов тема, как «русская опасность»³².

В качестве наглядного примера, что ожидает Швецию в случае «русского нашествия» звучала тема «допевающей свою лебединую песню» Финляндии. Как указывал представитель Петроградского телеграфного агентства в Стокгольме А. Марков, «шведы все еще не могут забыть присоединения Финляндии», почти ежедневно здесь печатаются статьи о Финляндии, «возбуждающие население против России»³³. В использовании «финской карты» преуспели проживавшие в Стокгольме финские эмигранты, которые активно сотрудничали со шведскими «активистами». Чтобы разжалобить шведов, давно покинувшие родину финляндцы, преимущественно финские шведы, публиковали часто самые неправдоподобные статьи о «горькой судьбе Финляндии». Так, в одной из статей утверждалось, будто бы за 10 последних лет Финляндия потеряла 1,5 млн. человек³⁴ (это при численности населения княжества в 3,5 млн. человек – *И.Н.*). Авторы подобных статей пытались доказать, что «угнетение финского народа является величайшим преступлением в мировой истории». Они также укоряли шведов в равнодушии, с которым те относились к «трагедии Финляндии»³⁵. Авторы, пожелавшие остаться анонимными, призывали Швецию «обнажить меч за правое дело Финляндии»³⁶. В шведской правой прессе периодически помещались материалы, якобы из «достоверных источников», о переброске к финско-шведской границе русских войск численностью от 160 до 400 тыс., хотя на самом деле на территории Финляндии российский военный контингент насчитывал в 1914-1916 гг. от 35 до 40 тыс. человек³⁷.

Венцом пропагандистской деятельности шведских «активистов» стал выход в свет летом 1915 г. брошюры «Внешняя политика Швеции в свете мировой войны»³⁸. Эта книга являлась результатом кооперации А. Молина с некоторыми профессорами, военными и социал-демократами. На страницах данного произведения «активисты» доказывали необходимость для Швеции «активной» или как они говорили, «мужественной» внешней политики, что подразумевало вступление Швеции в войну на немецкой стороне. Рассматривая борьбу Германии против России как «борьбу за культуру», «против московитского варварства» они внушали читателям мысль о том, что историческая миссия Швеции – вместе с Германией

образовать барьер на пути распространения восточного варварства. Россия, по мнению авторов, должна «вернуться туда, где ее дом»: ее внешняя политика должна быть развернута на Восток, где, по мнению авторов, «русский народ может найти свое великое жизненное предназначение – культивировать Азию – и свою (историческую) задачу – образовать плотину против желтой расы»³⁹. В ходе войны Швеция должна была вернуть себе все, что «она упустила в период своего унижения в XIX веке, прежде всего собственную национальность», «найти свое место в качестве германского государства, наряду с Германией». Среди целей вступления Швеции в войну авторы брошюры называли шведский долг перед своими соплеменниками в Финляндии. Они верили в то, что «германцы победят и станут властителями мира»⁴⁰.

«Активисты» призывали руководствоваться в вопросах внешней политики не только военно-стратегическими и политическими, но и культурными факторами, а также кровнородственными чувствами. Они утверждали, что вступление в войну является единственным средством для самоуважения шведского народа. Пассивная внешняя политика, по их мнению, убеждала мировую общественность в том, что «шведский народ ничего больше не хочет, и его судьба находится в руках других держав»⁴¹.

Анонимные авторы брошюры поставили под сомнение целесообразность для Швеции проведения так называемой «политики 1812 года»⁴² и подвергли ревизии внешнюю политику династии Бернадотов. Они считали, что родоначальник современного шведского королевского дома наследный принц Карл Юхан, пойдя на сближение с Россией, направил Швецию по ложному пути, на котором она пребывала более ста лет.

«Активисты» обращались, прежде всего, к молодому поколению, которое должно было поставить перед шведским народом новые, великие цели и, воспользовавшись войной, «решить исторические задачи»⁴³. Авторы надеялись на большой успех своего труда, однако, брошюра вызвала острую полемику на страницах шведской печати. Даже крайне консервативные издания не одобряли выход в свет подобной брошюры, считая ее сумбурной и непонятной⁴⁴.

Примечательно, что шведский «активизм» возник в начале войны как антироссийское течение и имел русофобский характер, но по мере ее продолжения он все больше приобретал антианглийский

оттенок. Причинами такого поворота стали, с одной стороны, нормализация российско-шведских отношений (не подтвердились худшие пророчества «активистов» о намерениях России по отношению к Швеции) и рост торгово-экономического сотрудничества между Петроградом и Стокгольмом, с другой, – усиление экономического давления Англии на Швецию. Англичане предпринимали серьезные меры для закрытия шведского «окна» в союзнической блокаде Германии.

Еще более накалила и без того напряженные отношения с Англией задержка в декабре 1915 г. английскими властями датского судна «Святой Олаф», на котором переправлялись из Америки – от американских шведов к своим родственникам в Швецию – рождественская почта и подарки. Действия англичан шведские газеты называли актом «английского высокомерия и беззастенчивости». На страницах одной из газет, в частности говорилось: «Задержание американской рождественской почты – самое лучшее средство, какое только могла найти Англия для того, чтобы убить все наши симпатии к ней... Этот акт насилия – своего рода символ того, как Англия в действительности обращается с маленькими нациями, о которых так любит говорить»⁴⁵. 17 декабря 1915 г. на первых полосах газет жирным шрифтом сообщалось о том, что шведские почтовые отправления, следовавшие в Америку также были задержаны и выгружены по требованию английских властей⁴⁶. В ответ шведское правительство решило задержать почту, идущую через Швецию в Англию.

Английские репрессии ударили не только по экономическим интересам шведов, но и по их самолюбию. Шведы считали себя истинными хранителями принципов международного права и противопоставляли свой, как им тогда казалось, беспристрастный нейтралитет, «бесхребетному» нейтралитету Нидерландов, Дании, Норвегии и Испании.

«Активисты» использовали конфликтную ситуацию между Швецией и Англией. Если в 1914 – первой половине 1915 гг. «активистская» пропаганда объявила Россию главным врагом национальной безопасности Швеции, то с осени 1915 г. шведская печать оживленным образом начала обсуждать, какая держава является наиболее опасной для Швеции – Россия или Англия. В 1916 г. «активисты», не забывая о «русской опасности», тем не менее, больше говорили об Англии как о главной угрозе шведской безопасности. Примеча-

тельно, что Россия, с точки зрения «активистов», нередко сама превращалась в жертву английских интриг.

При этом в «активистской» пропаганде рассматривались две темы: военные укрепления России на Аландских островах и английские притеснения свободы шведской торговли. Причем, традиционный для «активистской» пропаганды тезис о том, что «угроза с востока» распространяется через Аланды, где российские власти возводили военные укрепления, изменил свое звучание. В 1916 г. вышла в свет брошюра под названием «Укрепление Аландских островов и его значение для Швеции». Ее автор, пожелавший остаться анонимным, утверждал, будто наибольшую угрозу безопасности Швеции представляет Англия. Оказывается, по мнению автора, Россия начала в годы войны укреплять Аландские острова под давлением Англии. Самостоятельно Россия не решилась бы нарушить демилитаризованный статус островов, опасаясь испортить свои отношения со Швецией. Автор поражался наивности шведов, «не понимающих, что у Англии есть дело до Аландов и Скандинавии»⁴⁷. Анализ «активистских» текстов показывает, что самыми распространенными понятиями, используемыми для характеристики английской внешней политики, были такие слова как вероломство, коварство, предательство, бесцеремонность, двуличность и двойные стандарты.

Среди российских дипломатических представителей в Скандинавии господствовало представление, согласно которому «активистская» пропаганда вообще была инспирирована Германией. Это предположение не лишено основания, иначе трудно объяснить, почему во второй половине 1915 – 1916 гг. шведские «активисты» изменили тон своих публикаций от крайне антирусского к антианглийскому. Дело в том, что в этот период Германия усиленно искала пути для заключения сепаратного мира с Россией, отсюда, более сдержанным стал тон германских публикаций о России. Россию охотно представляли в Германии как жертву английских интриг, то же самое практически синхронно происходило и с «активистскими» публикациями в Швеции.

В борьбе за Швецию цели шведских «активистов» и германских сторонников союза со Швецией совпадали. Возникает вполне законный вопрос, какую роль играло германское представительство в Стокгольме в шведской «активистской» пропаганде? При германском представительстве в

Швеции сформировался кружок людей, которые являлись искренними поклонниками Германской империи. К их числу принадлежал и директор Шведского телеграфного бюро Густав Эклунд. Сотрудничество с ним представлялось особенно важным для германской пропаганды в Скандинавии. Через Шведское телеграфное бюро в различные шведские газеты поступала заведомо однобокая информация, касающаяся побед германской армии. Отдельные шведские печатные издания были связаны с германским посланником в Швеции Г. Люциусом фон Штедтенем. Например, издатель газеты «Свенска Дагбладет» Карл Алекс Хельмер Кей и редактор газеты «Афтонбладет» Харальд Сольман состояли в доверительных отношениях с бароном Люциусом. Германия воздействовала на шведскую прессу и в финансовом отношении, занимаясь подкупом отдельных журналистов⁴⁸, в чем не было ничего оригинального. Подобную политику пытались проводить и дипломатические представители России в Швеции, правда, менее удачно⁴⁹. Немецкие дипломаты прекрасно понимали, какое значение имеет общественное мнение в Швеции. Здесь средства массовой информации превращались в фактор большой политики, с которым правящая элита не могла не считаться.

Практически все «активисты» поддерживали тесные контакты с сотрудниками германского представительства в Стокгольме. Исключение составлял Челлен, который работал согласно своим убеждениям, и считался в немецком представительстве «полностью независимым от нас (немецкой дипмиссии – *И.Н.*) человеком».⁵⁰ При этом труды шведского геополитика охотно публиковались в Германии, а рецензии на них были обычно превосходными⁵¹. В 1915 г. Челлен издал на немецком языке работу «Политические проблемы мировой войны»⁵². В 1917 г. в Мюнхене издается его брошюра «Исследование мирового кризиса», переведенная на немецкий язык Ф. Штиве⁵³. В этой брошюре Челлен собрал под одной обложкой свои статьи, касавшиеся геополитической проблематики и опубликованные в различных шведских периодических изданиях. Оправдывая действия Берлина, он считал, что Германия виновна в развязывании войны не больше, чем другие великие державы. Острие своей критики шведский геополитик направил на Англию, обвиняя ее в нарушениях международного права, прав нейтралов и разоблачая английские двойные стандарты. Челлен небезосновательно считал, что Англия ведет во-

йну «при помощи кошелька», но не «собственной плотью и кровью». Вместо этого она, как Римская империя, использует наемников в лице французов и русских, которые и «проливают кровь за мировое господство Англии»⁵⁴. По сравнению с Великобританией, Германия, по мнению шведского профессора, вела «честную игру», жертвуя во имя национальных идеалов жизнями своих собственных сыновей. Челлен рассмотрел также роль малых стран в мировой войне и пришел к выводу, что судьба тех из них, кто вступил в войну на стороне Антанты, являлась печальной, поскольку их задача была сведена к тому, чтобы «таскать каштаны из огня для великанов»⁵⁵.

Несмотря на все свои симпатии к Германии, Челлен признавал за германским руководством наличие серьезных просчетов. Главным заблуждением являлось, по его мнению, то, что германские политики накануне мировой войны надеялись на возможность примирения с Англией. Челлен верил в славное будущее Германии, но сомневался, в противоположность кайзеру Вильгельму, что это будущее было связано с океанскими просторами. Шведский ученый был уверен в том, что будущее Германии «лежало на суше» – в создании под эгидой Берлина Среднеевропейского блока государств. Германия, с его точки зрения, не должна бороться с Англией за господство на море, наоборот, обоим противникам необходимо поделить сферы влияния – Англия господствует на море, а Германия – на европейском континенте. С помощью подобного разделения мировая система пришла бы в состояние равновесия. Такой раздел сфер влияния, по Челлену, являлся единственным приемлемым вариантом для обеспечения длительного мира. Но для этого Германия должна была отказаться от своих претензий на море⁵⁶.

Челлен являлся самостоятельной фигурой в шведском «активизме», в отличие от многих идейных соратников, поддерживавших тесные контакты с немецкими представителями. По свидетельству сотрудничавшего со шведскими «активистами» и германскими спецслужбами финляндского националиста Германа Гуммеруса, с немецким представительством в Стокгольме «с самого начала была близкая связь», особенно когда во главе германской дипломатической миссии в Стокгольме в 1914 г. стоял Ф. Райхенау. С Люциусом же прямых контактов было меньше. Шведские «активисты» чаще обращались за помощью к германскому военно-морскому атташе Р. Фише-

ру-Лоссайнену и военному атташе майору К. фон Авейдену⁵⁷. Что касается Авейдена, то из-за его близких отношений со шведскими «активистами», между ним и главой германской дипломатической миссии в Стокгольме Люциусом произошел конфликт. Люциус был особенно недоволен тем, что военный атташе занимался за его спиной «приватной политикой с королевой». В сентябре 1916 г. Авейден был отозван и заменен Эберхардом фон Гизе, который перед войной занимал пост германского военного атташе в Скандинавских странах⁵⁸.

Барон Люциус негативно оценивал деятельность шведских «активистов». Он полагал, что позиции «активизма» в Швеции являлись слишком слабыми, а его представители стояли «особняком от шведского народа»⁵⁹. Его возмущали претензии «активистов» на монополию в лагере шведских германофилов. Более надежными партнерами он считал шведских политиков консервативного толка – А. Линдмана, Э. Трюггера и Э. Тролле. Возмущали Люциуса частые поездки «активистов» в Берлин и агитационная работа там. «Люди, которые имеют время, чтобы ездить в Берлин и предлагать свои услуги, в большинстве своем не имеют никакого влияния и пытаются усилить свое слабое положение здесь (в Швеции – *И.Н.*) благодаря своим отношениям с Берлином»⁶⁰, – писал он в ноябре 1916 г. в частном письме германскому дипломату, графу Ф. Пурталесу.

«Активисты» в долгу не остались и платили Люциусу той же монетой. Например, они были убеждены: германо-шведскому союзу мешают лишь два человека – это германский посланник в Стокгольме барон Люциус и шведский министр иностранных дел К. Валленберг⁶¹. Они пытались доказать, что дипломатия Люциуса принесла большой вред Германии. Используя свои связи в Берлине и теплые отношения со шведской королевской семьей, шведские германофилы делали все возможное для дискредитации этих двух людей. Например, в беседе с немецким политическим деятелем и публицистом Паулем Рорбахом, Адриан Молин категорически заявил, что Люциус должен покинуть свой пост. Отставка Люциуса является, ни много, ни мало – главной предпосылкой того, чтобы Швеция оказалась «в состоянии действовать»⁶². Королева Виктория также часто жаловалась кайзеру Вильгельму на немецкого посланника и считала его деятельность вредной для Германии.

Однако влияние «активистского» движения в Швеции в действительности являлось маргинальным. Как заметил по этому поводу Г. Гуммерус, «в Швеции наша пропагандистская работа все больше казалась Сизифовым трудом»⁶³. Проблема заключалась в том, что, используя скромные знания германской военной и политической элиты о шведском обществе, участники указанного движения поддерживали иллюзии Берлина в отношении Швеции, как безусловно германофильской страны. «Активисты» выдавали желаемое за действительное. Некоторые из них искренне верили в те идеи, которые отстаивали перед правящими кругами Германии. Другие осознанно вводили в заблуждение Берлин. Им казалось, что если Германия начнет боевые действия на Аландах и в Финляндии, или предъявит Швеции ультиматум, то тем самым будет запущен механизм, который по инерции, помимо воли лидеров и народа, втянет Швецию в войну на немецкой стороне.

Военная, политическая и дипломатическая элита Второго рейха имела весьма скромные познания о Швеции. В правящих кругах Германии говорили о Швеции не часто, а представления о внутриполитической обстановке в Стокгольме были довольно поверхностными. Тем важнее являлась деятельность шведских «активистов». Но вместо объективного представления о своей стране, усилиями этих людей в Германии создавался искаженный образ Швеции. Правящие круги Германии наивно полагали, что в Швеции позиции «активизма» значительно сильнее, чем это было на самом деле.

Итак, у шведского нейтралитета имелись пусть не многочисленные, но весьма влиятельные противники в шведском обществе. В стране, где огромными тиражами выходили в свет фантастические романы о том, как тяжело живется скандинавам после «русского нашествия», тем больше восхищения вызывает благоразумие большинства населения, которое не позволило горстке амбициозных политиков и общественных деятелей растоптать такую ценность, как нейтралитет. В авангарде борьбы за сохранение политики нейтралитета стояли социал-демократы и либералы, которые оказались готовыми к сотрудничеству со всеми политическими силами, выражавшими антимилитаристские настроения.

Чтобы выяснить позицию руководства шведской социал-демократической партии следует иметь в виду, что для социал-демократов понятие

«нейтралитет» имело два значения: во-первых, в политическом смысле оно означало неучастие в войне. Социал-демократы считали войну порождением мировой капиталистической системы, в то время как борьба за мир являлась ценностью социал-демократического мировоззрения. Во-вторых, социалисты делали акцент на такой его разновидности, как «социалистический нейтралитет». Дискуссия вокруг этого термина шла в социал-демократических партиях как нейтральных, как и воюющих стран. Скандинавские социал-демократы поддержали политику своих правительств, голосуя за увеличение расходов на оборону с целью защиты нейтралитета. В данной связи нейтралитет на практике превращался в «вооруженный нейтралитет»⁶⁴.

Подобная линия «вооруженного нейтралитета» была особенно характерна для шведской социал-демократии и ее идеолога Я. Брантинга. Недоверие к царизму, которое раньше имело место в его взглядах, исчезло после того, как союзницей России стала Англия. Брантинг не сомневался в том, что победа в войне стран Антанты привела бы к продвижению демократии и развитию парламентаризма в России. Победа западных демократий, по мнению лидера шведской социал-демократии, означала бы также спасение мира от германского милитаризма, разоружение и свободный путь для социальных реформ⁶⁵.

Брантинг указывал, что крупная партия, представлявшая интересы народа, может добиться многого в своей борьбе за нейтралитет. Он считал необходимым, чтобы социал-демократия в обстановке войны поддержала политику буржуазного правительства, в том числе и увеличение ассигнований на оборону, поскольку это правительство отражало и интересы социал-демократов, провозгласив нейтралитет. В первые дни войны Я. Брантинг призвал общество сохранять «хладнокровие», а государство – «внепартийный нейтралитет»⁶⁶. Социал-демократы обратились к населению с призывом бороться с «активистской» пропагандой повсюду, где та «рискнет высунуть голову»⁶⁷. Такая позиция требовала от социал-демократов сотрудничества со всеми политическими силами, которые выражали антимилитаристские настроения и боролись за сохранение нейтралитета. Лидер шведских социал-демократов Я. Брантинг поддержал политику «гражданского мира». «Перед лицом войны социальные конфликты всех народов, как бы сильны эти конфликты не были вследствие» классовых

противоречий, немедленно должны отступить на задний план»⁶⁸, – утверждал он.

Актуальным становилось сотрудничество социал-демократов, прежде всего, с либералами. Шведская либеральная партия присоединилась к борьбе против «активизма». В начале ноября 1915 г. прошел съезд этой партии, на котором была принята резолюция в поддержку «безупречного нейтралитета», а также прозвучал решительный протест против «активистского» движения и политики тех государственных деятелей, которые потворствуют «активизму»⁶⁹. Как и в предвоенные годы, либералы и социал-демократы нашли точки соприкосновения, чтобы объединить усилия во имя достижения общей цели. В предвоенное время либералы и социал-демократы вместе боролись за всеобщее избирательное право, в годы войны приоритетной задачей стало сохранение шведского нейтралитета. Социал-демократы и либералы поддерживали политику правительства, голосуя за увеличение расходов на оборону с целью защиты нейтралитета. На практике либералы и социал-демократы отстаивали принцип «вооруженного нейтралитета».

Шведские социал-демократы и либералы в борьбе против «активизма» неоднократно направляли острие своей критики против конкретных персон, представлявших данное движение. Доставалось от острого пера защитников нейтралитета и королевской семье, прежде всего, королеве Виктории. Критики королевской семьи обнаружили, что всякий раз вспышки шведского «активизма» удивительным образом совпадали с возвращением королевы из Германии. Либералы и социал-демократы возмущались, что шведская королева вместо того, чтобы уважать внешнеполитический выбор граждан страны, открыто высказывает симпатии к Германии. Брантинг возмущался тем, что королева ведет себя неподобающим образом (как германская принцесса) вместо того, чтобы четко показать всем, что она, в первую очередь, шведская королева. В одной из своих статей он, в частности, писал: «Швеция – страна, судьбы которой, в счастье, не зависят от настроения королевы... В итоге остается лишь обидное чувство, что лицо, положение которого, казалось бы, обязывало его считаться с долгом по отношению к стране, которая как-никак дала этому лицу королевскую корону, пренебрегло подобными соображениями и прислушалось лишь к голосу крови Гогенцоллернов... Тем глубже становится пропасть между шведским народом и вы-

сокопоставленной чужестранкой...»⁷⁰. В 1917 г., в период обострения продовольственного кризиса в Швеции, в стране распространялись слухи о том, будто «высокопоставленная чужестранка» направляла в Германию целые поезда с продовольствием. Шведские газеты сообщали со ссылкой на «авторитетные источники», что королева, якобы, увезла с собой в Германию большое количество молочных поросят, а кронпринцесса скупила «все имеющиеся в стране запасы пудинга»⁷¹. В либеральной и социал-демократической прессе всерьез заговорили о надвигавшемся династическом кризисе, поскольку королевская семья перестала выражать мнение большинства шведов.

Усилия либералов и социал-демократов могли оказаться напрасными, если бы их не поддержало большинство шведских предпринимателей. Для успешного ведения бизнеса нужны тишина и спокойствие. Нейтралитет позволял шведским деловым кругам, особенно тем, кто ориентировался на экспорт товаров, торгуя с обеими противоборствующими коалициями, в несколько раз увеличивать свои прибыли. С одной стороны, резко возросла интенсивность экономических отношений с Германией; с другой – во время войны значительно увеличился экспорт шведских товаров в Россию. Раньше шведские товары, попадавшие в Россию, терялись в массе германских изделий. Из 1,5 млрд. рублей представлявших ценность русского импорта до войны, 15 млн. руб. (ценность шведского ввоза) – не имели значения. В годы войны Швеция ввозила в Россию товаров на сумму 100 млн. руб (1916 г.), что составляло 10% всего ввоза. К тому же Швеция являлась во время войны окном в Европу для России. Многие русские коммерсанты стремились найти нужные им товары в соседней Швеции⁷². Шведские предприниматели считали, что война предоставила Швеции уникальный шанс – завоевать новые рынки сбыта, которые еще совсем недавно казались недостижимыми из-за конкуренции с Германией. Так, в одной из шведских газет отмечалось: «нам, шведам, не следует забывать, что германцы – наши главные и злейшие соперники ... на иностранном рынке. Германцы – самые трудные и беспощадные конкуренты на мировом рынке». Газета вспоминала предвоенные случаи, когда германцы применяли на русском рынке политику демпинга, чтобы не допустить туда шведов⁷³.

Ведущие экономисты России и Швеции всерьез обсуждали в годы войны вопрос – заменит ли

Швеция Германию на русском рынке. И многие из них рисовали очень заманчивые перспективы. Добавим к этому то обстоятельство, что дополнительную прибыль давал также транзит грузов союзников через Швецию в Россию. Не случайно бывший министр финансов барон Эдельсверд в интервью «Дагенс Нюхетер» указал на безумие «активистской» политики, которая закончилась бы войной и заставила бы страну терпеть «ужасные бедствия и лишения взамен тех незначительных по существу неудобств и стеснений, которые причиняют ей британская блокада и британский контроль»⁷⁴.

Еще более сильные слова в адрес «активистов» нашла газета «Гётеборгс Хандельс Тиднинг», заявив о том, какой вред экономике страны наносит подобная пропаганда: «Становится горько, что весь этот необычайный риск (ухудшение торгово-экономических отношений с Англией – *И.Н.*) создан горстью воинственных дураков, которые не ведают, что творят, и что те, которые имеют власть сломить активистскую агитацию, и которые официально провозгласили нейтралитет, не хотят шевельнуть пальцем, чтобы прекратить это опасное для страны безобразие»⁷⁵. Именно шведские предприниматели требовали от своего правительства обуздать антироссийскую пропаганду в прессе и создавать позитивный образ России.

Оплотом германского влияния в Швеции считались военные круги. В годы войны на долю Германии и Австро-Венгрии приходилась львиная доля командировок и стажировок шведских офицеров. Для сравнения, Германию посетили 84 шведских офицера, Австро-Венгрию – 64, в том время как Англию всего двое, Францию – четыре офицера. Выбор шведских военных был явно в пользу Центральных держав⁷⁶. Однако даже среди военных оказалось не так много желавших поучаствовать в войне. Об этом, в частности, свидетельствуют письма шведов своим родственникам в Финляндию, попавшие в руки российских военных цензоров. В этих письмах звучало опасение шведов за судьбу своей родины. «Войны народ не желает, но она стране может быть навязана... Былые симпатии к немцам у большей части народных масс отошли уже в область преданий, и даже среди военного элемента»⁷⁷, – к такому выводу пришли в августе 1916 г. военные цензоры.

Несмотря на восторги по поводу боеспособности германской армии, многие шведские военные понимали необходимость сохранения нейтралите-

та. Например, на страницах шведского «Военного журнала» («Svensk Militär Tidskrift») указывался факт намеренного завышения боеспособности вооруженных сил Швеции в «активистских» изданиях. Шведские военные прекрасно понимали, что между теоретическими кабинетными выкладками «активистов» и действительностью лежала громадная пропасть. В рецензии на одну из подготовленных «активистами» брошюр, в частности, говорилось: «Всякому мыслящему человеку должна быть ясна необходимость сохранения нейтралитета Швецией... Даже сведущим в навигации пассажирам рекомендуется во время бури не давать советов капитану корабля»⁷⁸.

Генерал-лейтенант Карл Эрикссон в ответ на «активистскую» пропаганду опубликовал брошюру «Некоторые шведские мысли в это серьезное время», в которой постарался доказать то, что, во-первых, усиление Германии и ее флота отнюдь не отвечает интересам безопасности Швеции, так как Германия тогда установила бы свое полное господство на Балтике. Во-вторых, железные дороги, которые строили в Финляндии и на северо-западе России, не направлены против Швеции, а имеют оправдание в возможном нападении Германии на Финляндию, в-третьих, пресловутое стремление России к Атлантическому океану никем не доказано, наконец, Швеции надо бояться не столько восточной опасности, сколько опасности с юга – со стороны Германии⁷⁹.

Во второй половине 1916 г. влияние «активизма» в Швеции значительно упало. Это было связано, во-первых, с тем, что провалились попытки Германии втянуть Швецию в войну. 27 сентября 1916 г. генерал Э. Людендорф в разговоре со Свенном Хединым заметил, что вступление Швеции в войну теперь уже не имеет военного значения⁸⁰. Без немецкой поддержки «активисты» не были способны к действию. Во-вторых, это движение лишилось некоторых влиятельных членов. Летом 1916 г. после продолжительной болезни скончался риксмаршал граф Л.Дуглас. Осень 1916 г. принесла «активистам» еще одну серьезную утрату – скоропостижно скончался шведский посланник в Берлине граф Арвид Таубе. Кроме того, серьезно заболела королева Виктория.

Давала свои плоды и деятельность негативно оценивавшего шведских «активистов» барона Г. Люциуса фон Штедтена. В письме рейхсканцлеру Т. фон Бетман-Гольвегу он следующим образом охарактеризовал шведский «активизм»: «Для меня

ослабление так называемых активистов, партия которых едва ли имела большое влияние, не стало большой неожиданностью. Характерным для активистов является представление о том, что все должно исходить от Германии. В этом прослеживается полная несамостоятельность партии, которая сама по себе не в состоянии действовать и пытается переложить ответственность за свои неудачи на немецкого посланника⁸¹. В другом своем письме бывшему германскому послу в России графу Ф. Пурталесу Люциус акцентировал внимание на том, что он живет идеей сепаратного мира с Россией, в то время как «активисты» считают, что Россия должна быть еще сильнее ослаблена. Люциус отвечал «активистам»: «Прекрасно, тогда приходите к нам (немцам – *И.Н.*) и давайте вместе ослаблять ее (Россию – *И.Н.*)». Но ответ активистов был таким: «Мы охотно желаем это делать, к сожалению, страна не хочет! Сначала Вы (немцы – *И.Н.*) должны достичь успеха. Мы слишком слабы!». «И так все остается по-прежнему»⁸², – констатировал германский посланник.

Для Люциуса сепаратный мир с Россией и тесные экономические отношения Германии со Швецией были гораздо важнее участия Швеции в войне. В этом позиция главы германской миссии в Стокгольме кардинально отличалась от позиции заигрывавшего с «активистами» помощника статс-секретаря по иностранным делам Артура Циммермана. Как отметил в своих дневниках немецкий журналист Т. Вольф, Люциус охотнее работал против «активистов» заодно со шведским министром иностранных дел⁸³. Соблюдая субординацию, Люциус, конечно, должен был подчиняться распоряжениям своего начальника, но многие из них он предпочитал тихо саботировать, надеясь на покровительство рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега и главы германского МИД Г. фон Ягова. После войны в одном из своих писем Люциус заметит, что в Швеции он должен был держаться против Циммермана, «который хотел заниматься безумной политикой с весьма ... невзрачной королевой»⁸⁴.

Что касается шведских политических лидеров, то они также понимали необходимость сохранения Швецией нейтралитета, но при этом избрали разную тактику, согласующуюся с убеждениями и темпераментом. Для министра иностранных дел банкира Кнута Валленберга были характерны твердость в постановке цели и поразительная гибкость в ее реализации. Он использовал международную обстановку, чтобы шведы получили

возможность заниматься «хорошим бизнесом» с воюющими коалициями. Отсюда, министр иностранных дел уделял серьезное внимание развитию экономических отношений с обеими противоборствующими коалициями. Премьер-министр Яльмар Хаммаршёльд являлся не столько политиком, сколько ученым, специалистом в области международного права. Довольно наивный в практической жизни он чересчур серьезно относился к миссии Швеции как «хранительницы» постулатов международного права. Международное право было для него превыше всего. Отсюда проистекала его несговорчивость за столом переговоров с представителями обеих воюющих коалиций. Он постоянно апеллировал к нормам международного права, и сокрушался о том, как великие державы могли так беззащитно их нарушать. Король Густав, несмотря на все свои симпатии и тесные связи с Германией, прекрасно понимал, что вступление Швеции в войну может закончиться для правящей династии плачевно. В диалоге с дипломатами противоборствующих коалиций шведский монарх избрал безошибочную тактику – он прятался за спину правительства, парламента и народа. Излюбленным приемом короля Густава являлись также постоянные жалобы на тяжелое положение Швеции.

Шведские лидеры избрали беспроявительную в диалоге с великими державами тактику: король, со ссылкой на конституцию, апеллировал к мнению правительства, правительство прикрывалось нейтралистской позицией парламента, все вместе – король, правительство и парламент – ссылались на мнение народа, которое в большинстве своем было пацифистским.

Наконец, постепенное охлаждение отношений с Германией было связано с потерями шведского торгового флота из-за германской подводной войны. Согласно данным отделения по регистрации судов коммерческого департамента, потери шведского торгового флота в течение трех первых лет войны составили 99 пароходов и 47 парусных судов, это 12% тоннажа торгового флота. В продолжение первых двух лет военных действий суда преимущественно гибли от мин, затем их место заняли немецкие подводные лодки. Преобладающая часть потерь военного времени в торговом флоте являлась результатом подлодок, которые потопили не менее 52 пароходов и 39 парусных судов. После объявления Германией в 1917 г. неограниченной подводной войны, потери шведских судов за 7

месяцев превзошли общую сумму потерь 1915 – 1916 г.⁸⁵.

Часто усилия немецкой и «активистской» пропаганды в Швеции сводились на «нет» благодаря неумелым действиям немецкого флота на Балтике. Потопление какого-нибудь шведского судна уничтожало результаты работы, которая велась в течение длительного времени. Фридрих Штыве писал в Берлин: «Злоупотребления немецких подводных лодок против шведских пароходов на Балтийском море уничтожали парой выстрелов так благоприятно настроенное к нам мнение»⁸⁶.

Напротив, осторожная политика России по отношению к Швеции выбивала почву из-под ног сторонников союза с Германией. Как заметил по этому поводу немецкий военный атташе Авейден, «Россия избегает всего того, что ... могло бы служить присоединению Швеции к Германии. Все известия о враждебных Швеции русских намерениях являются до сих пор из области фантазий»⁸⁷.

Первая мировая война обозначила важный рубеж во внешней политике и политике безопасности Швеции, когда изменился характер шведского нейтралитета – вместо случайного он переходил к категории внешнеполитической традиции. Война способствовала усилению нейтралистских настроений в шведском обществе, нейтралитет стал предметом национальной гордости и ценностью шведского общественного сознания. В событиях первой мировой войны берет свое начало и новая концепция шведской безопасности, предусматривавшая, наряду с неучастием в военно-политических блоках, разрешение международных конфликтов путем расширения действия системы международного права.

Конечно, нейтралитет Швеции в годы мировой войны не был беспристрастным. Он являлся в значительной степени гибким. Швеция шла на уступки той коалиции или державе, от которой в данный конкретный момент исходила наибольшая угроза национальной безопасности. В 1914-первой половине 1917 гг. и весной 1918 г. наибольшую угрозу для безопасности Швеции представляла Германия. Нейтралитет Швеции в упомянутый период имел прогерманский характер. Несмотря на то, что в общественном мнении доминировал тезис о «русской угрозе» Швеции, в действительности, шведская правящая элита опасалась не России, а Германии.

Однако основной тенденцией развития взаимоотношений между Швецией и воюющими коалициями стало постепенное уменьшение немецкого экономического и политического влияния и увеличение влияния Антанты. Во второй половине 1918 г. Англия практически полностью взяла под свой контроль внешнюю торговлю Швеции. Для ее послевоенного положения важное значение имело заключение в конце мая 1918 г. торгового соглашения с Антантой. Наряду с экономическими преимуществами, оно принесло Швеции и политические дивиденды: страна, проводившая на протяжении почти всей войны прогерманский нейтралитет, на ее завершающем этапе оказалась ближе к лагерю победителей, чем к лагерю проигравших. Вовремя успев продемонстрировать свою лояльность победителям, Швеция оказалась в послевоенном мире вне экономической войны, развязанной бывшими союзниками по Антанте против побежденных стран.

ССЫЛКИ:

¹ Международное право. Ведение боевых действий. Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. М., 1995. V-я Конвенция «О правах и обязанностях нейтральных государств в случае морской войны», XIII -я «Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны».

² Например, нейтралитет Скандинавских стран.

³ Классический пример подобного нейтралитета представляет Швейцария, нейтралитет которой закреплен в решениях Венского конгресса 1815 г.

⁴ *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875-1914. Ростов-на-Дону, 1999. С. 488. Таблица 1. При этом из-за высокой эмиграции, каждый пятый швед проживал уже в Северной Америке - *Peters Jan.* Branting und die schwedische Sozialdemokratie. Hjalmar und Georg Branting in der schwedischen Geschichte. Berlin, 1975. S. 52.

⁵ *Lindberg F.* Skandinavien und das Deutsche Reich // Europa und die Einheit Deutschlands. Eine Bilanz nach 100 Jahren. / Hrsg. von *Walter Hofer.* Köln, 1970. S. 161-162.

⁶ История Швеции / Под ред. *А.С. Кана.* М., 1974. С. 421.

⁷ *Franklin D. S.* Sweden: The Nation's History. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1977. P. 468.

⁸ Война и общество в XX веке: в 3 кн. / Рук. Проекта и сост. *О.А. Ржешевский*. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Науч. рук. *В.А. Золотарев*; отв. ред. *С.В. Листиков*. М.: «Наука», 2008. – С. 472.

⁹ *Бекстрём К.* История рабочего движения в Швеции (1902-1917). М., 1966. С. 261. Не исключено, что травля Стаафа привела к его безвременной кончине в 1915 г.

¹⁰ *Håstad E.* Sveriges historia under 1900-talet. Stockholm, 1958. S. 92; *Hadenius S.* Swedish Politics during the 20th Century. The Swedish Institute, 1990. P. 21.

¹¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 408/455. Л. 36 об.

¹² Там же. После этого Хедин благополучно отбыл, с разрешения германского военного командования, на Восточный фронт, где в частных беседах с немецкими журналистами с иронией говорил о бесхарактерности шведов и несостоятельности шведского нейтралитета.

¹³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 403/418/419. Л. 12. И. Мануилов – Сухомлинову В. А. от 28.12.1914.

¹⁴ Российский архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 479. Оп. 1. Д. 446. Л. 16. Обзор шведской печати.

¹⁵ О развитии идеологии скандинавизма см. подр.: *Hubatsch W.* Skandinavien und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert // *Der Ostseeraum im Blickfeld der deutschen Geschichte. Studien zum Deutschtum im Osten.* N 6. Köln; Wien, 1970. S. 182–209.

¹⁶ *Riste O.* Neutral Ally: Norway's Relations with Belligerent Powers in the First World War. Oslo; London, 1965. P. 37.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3994. Л. 31. Неклюдов А.В. в МИД от 13.11.1914.

¹⁸ *Nekhdoff A.* En diplomats minnen. Stockholm, 1921. S. 212.

¹⁹ Бывший премьер-министр Норвегии Г. Конов заявил по поводу встречи в Мальмё, что «Норвегия отозвалась на приглашение короля Густава охранять общий нейтралитет в данный опасный момент, но это отнюдь не значит, что Норвегия вполне и наперед согласна следовать за Швецией в ее внешней политике...». АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 405/423. Л. 5 об. С. Арсеньев – Сазонову С. Д. от 24. 01. 1915.

²⁰ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (РА АА). Schweden 56:1. Aweyden an OHL (Oberste Heeresleitung) vom 27.07.1915.

²¹ *Schubert I.* Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. Bonn, 1981. P. 32.

²² *Carlgren W.* Neutralität oder Allianz. Deutschlands Beziehungen zu Schweden in den Anfangsjahren des Ersten Weltkrieges. Uppsala, 1962. S. 212.

²³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 435/454. Л. 52.

²⁴ РА АА. Schweden 56:1. Bd 3. Bericht über meine Reise nach Schweden. Wetterhoff an Zimmermann vom 6.11.1915.

²⁵ РГА ВМФ. Ф.479. Оп. 1. Д. 449. Л. 27. Обзор шведской печати за декабрь 1915 г.

²⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000 с. Оп. 1. Д. 3310. Л. 6. Агентурные сведения ГУГШ (Главного управления Генштаба) от 7.04.1915.

²⁷ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 435/454. Л. 48 об. Записка *Н.С. Васильчикова* «Положение Швеции к началу 1917 г. (на основании данных осведомительного отдела МИД).

²⁸ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 447. Л. 69-70. Обзор шведской печати, октябрь 1915 г.

²⁹ РА АА. Schweden 56. Bd 2. Lucius an Bethmann Hollweg vom 31.08.1915.

³⁰ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 435/454. Л. 48 об. Записка *Н.С. Васильчикова* «Положение Швеции к началу 1917 г.»

³¹ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 448. Л. 3-5. Обзор шведской печати, «Aftonbladet», 9.11.1915.

³² Цит. по: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000 с. Оп. 1. Т. 3. Д. 3319. Л. 30. Рукопись статьи *Н. Емельянова* «Существует ли русская опасность?», 1915 г.

³³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 412/429/430. Л. 8 об. Письмо А. Маркова от 23.03.1915.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 448. Л. 125. Обзор шведской печати.

³⁵ Там же. Д. 449. Л. 106. Обзор шведской печати.

³⁶ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 417/436. Л. 25. Сообщение Петроградского телеграфного агентства (ПТА) от 9.05.1915.

³⁷ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 26. Материалы об оперативных задачах 42-го армейского корпуса, 1-28.01.1916.

³⁸ *Sveriges utrikespolitik I världskrigets belysning.* Uppsala, 1915. Немецкий перевод – *Schwedische Stimmen zum Weltkrieg.* Leipzig, 1916.

³⁹ *Schwedische Stimmen zum Weltkrieg.* Leipzig, 1916. S. 201.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 449. Л. 71. Обзор шведской печати.

⁴¹ Ibid. S. 199.

⁴² Термин «политика 1812 года» появился в шведской публицистике еще в период Крымской войны: он обозначал внешнеполитический курс шведского наследного принца Карла Юхана (бывшего французского маршала Бернадота), направленный на сближение и союз с Россией и отказ от выступления на стороне наполеоновской

Франции. – См. подр.: *Рогинский В.В.* Историография шведской внешней политики конца наполеоновских войн // Северная Европа: Проблемы истории. М., 2003. Вып. 4. С. 284-300.

⁴³ Schwedische Stimmen. S. 202.

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 449. Л. 71.

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 449. Л. 36. Обзор шведской печати за декабрь 1915 г.

⁴⁶ Там же. Л. 47.

⁴⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4035. Л. 26-36.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 419/439. Л. 22-22об. Выдержки из агентурных донесений, 12.01.1916.

⁴⁹ См. подр.: *Новикова И.Н.* Донесения военных агентов как источник для изучения российско-скандинавских отношений периода Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: РХГИ, 2005. С. 260-261.

⁵⁰ Цит. по: *Wanner G.* Die Bedeutung der k.u.k. Gesandtschaft in Stockholm während des Ersten Weltkrieges. Osnabrück, 1983. S. 149.

⁵¹ См. напр.: *Grabowsky A.* Die Weltmacht // Das neue Deutschland. 1914. 28. Oktober. S. 1-6.

⁵² *Kjellen R.* Die politischen Probleme des Weltkrieges. Teubner, 1915.

⁵³ *Kjellen R.* Studien zur Weltkrise. München, 1917.

⁵⁴ Ibid. S. 55.

⁵⁵ Ibid. S. 25-29.

⁵⁶ Ibid. S. 114.

⁵⁷ *Gummerus H.* Jääkärit ja aktivistit. Porvoo, 1928. S. 47-48.

⁵⁸ *Schubert I.* Op. cit. S. 89.

⁵⁹ РА АА. Schweden 56:1. Bd 3. Lucius an Bethmann-Hollweg vom 30.11.1915.

⁶⁰ Цит. по: *Schubert I.* Op. cit. S. 105.

⁶¹ Ibid. S. 49.

⁶² См. подр.: Ibid. S. 49-58.

⁶³ *Gummerus H.* Op. cit. S. 183.

⁶⁴ *Graß Martin.* Friedensaktivität und Neutralität. Die skandinavische Sozialdemokratie und die neutrale Zusammenarbeit im Krieg, August 1914 bis Februar 1917. Bonn, Bad Godesberg, 1975. S. 46-47.

⁶⁵ См. подр.: *Ljunglund Leon.* Alte und neue Kräfte in Schweden // Das neue Deutschland. N 5/10. 1915. November. S. 87; *Peters Jan.* Branting und die schwedische Sozialdemokratie. S. 90.

⁶⁶ *Branting H.* Kallt blod // Social-demokraten. 1.08.1914.

⁶⁷ Social-demokraten. 16.11.1915.

⁶⁸ Цит. по: Война и общество в XX веке. Кн. 1. С. 474.

⁶⁹ Social-demokraten. 8.11.1915.

⁷⁰ Цит. по: РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 446. Л. 19-20. Обзор шведской печати, июнь 1915 г.

⁷¹ РГВИА. Ф. 2000 с. Оп. 1. Д. 3274. Л. 84. Svenska Dagbladet. 21.04.1917.

⁷² РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 173. Л. 119 об.

⁷³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 405/423. Л. 21.

⁷⁴ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 426/445. Л. 10. Сообщение ПТА от 22.01.1916.

⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 448. Л. 36. Шведская печать за ноябрь 1915 г.

⁷⁶ *Böhme Klaus-Richard.* Deutsch-schwedische Militärbeziehungen 1918-1932 // Nicht nur Strindberg. Stockholm, 1979. S. 167.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 420. Л. 112. Выборка из заметок военных цензоров, писем, прошедших особую финляндскую военно-цензурную комиссию, август 1916 г.

⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 449. Л. 5. Обзор шведской прессы.

⁷⁹ Там же. Д. 448. Л. 86. Обзор шведской печати.

⁸⁰ *Gummerus H.* Op. cit. S. 292.

⁸¹ РА АА. Schweden 56:1. Bd 3. Lucius an Bethmann-Hollweg vom 30.11.1915.

⁸² Цит. по: *Schubert I.* Op. cit. S. 105.

⁸³ *Wolff T.* Op. cit. S. 427. Запись от 18.09.1916.

⁸⁴ РА АА. Nachlaß Lucius.

⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3990. Л. 114-123. Записка В. Сташевского «Потери шведского торгового флота за время войны» от 30.06.1917. (перевод шведских данных их журнала «Tidskrift I Sjöväsendet»)

⁸⁶ РА АА. Schweden 56:1. Bd 5. Bericht von Stieve F. vom 8.8.1916.

⁸⁷ РА АА. Schweden 56:1. Bd 3. Bericht von Aweyden.

Novikova I.N. Neutrality or union: internal political struggle in Sweden on foreign policy during the First World War / Saint Petersburg State University.

The article examines the main trends in Swedish society on foreign policy and identifies the internal political reasons allowed Sweden to stay neutral in the First World War. Special attention is paid to the origin of the Swedish security concept at the time. Along with non-participation in military-political blocs such concept included the settlement of international conflicts by the extension of the system of international law.

Keywords: neutral status, international law, the First World War, Sweden.

Новикова І.Н. Нейтралітет або союз: внутрішньополітична боротьба у Швеції з питань зовнішньої політики в роки Першої світової війни / Санкт-Петербурзький державний університет.

Стаття присвячена розгляду основних течій у шведському суспільстві з питань зовнішньої політики країни, і виявленню внутрішньополітичних причин, що дозволили Швеції зберегти нейтралітет в роки Першої світової війни. Особливу увагу автора звернуто на зародження в той час концепції шведської безпеки, яка передбачала, поряд з неучастю у військово-політичних блоках, розв'язання міжнародних конфліктів шляхом розширення дії системи міжнародного права.

Ключові слова: нейтральний статус, міжнародне право, Перша світова війна, Швеція.

Стаття надійшла до редколегії 30.04.2014

Прийнята до друку 21.05.2014